

Виктор Афанасьев,

писатель

Судиславль

Торговые ряды
в Судиславле.

Как иногда в безвестных лесных озерах, осененных кривыми красноватыми березками и наполовину высохшим орешником, вдруг открывается ищущему красоты сердцу таинственная глубина и сказочное, многоцветное разнообразие, так в иных русских городках с негромкими именами обнаруживаются не только следы почтенной старины, но и какое-то не поддающееся натиску современной жизни загадочное очарование своеобычности. Таков Судиславль: с незапамятных времен рассечен он Галичским трактом надвое, век за веком колеса бесконечных обозов, а потом грузовиков все гуще и гуще клали летнюю пыль на деревья и дома. Но развеется пыль, выглянет ясный день с солнцем и кучевыми облаками, и город глядит с непоколебленным достоинством девятисотлетнего старца. Ни-

чем ему и невеликость его. Он к Москве относится, скажем, так, как старый старичок крестьянин к своему внуку, выбившемуся в государственные деятели: гордится им, насиженного места не бросает и не обновляет образа своей жизни по масштабам внуковых доходов. Оттого и внуку хорошо, от этого чувствует он в себе настоящую душевную крепость, на каждом шагу помнит он деда, крепкий у него корешок в земле костромской, за великой Волгой.

Из Костромы на северо-восток идет сейчас асфальтированная дорога, всего лет десять назад сменившая булыжную. Пятьдесят один километр до Судиславля — меньше часа езды. Выезжая из Костромы, пересекаешь железную дорогу у разъезда. В прошлом тут была первая почтовая станция на тракте — Дровинки.

Как не припомнить, что случай с некрасовским «генералом Топтыгиным» произошел именно тут: испуганные лошади «отдули» «верст пятнадцать во весь дух» по направлению к Судиславлю и, вероятно, обогнали бы и быстрогоходный «Икарус», случись это сегодня.

В старину, когда устанавливался санный путь, из Вятки, Галича, Чухломы, Буя и других мест начинали тянуться через Судиславль в Кострому и далее неисчислимы обозы. Русский поэт Вяземский, владевший под Костромой большим промысловым селом Красным, так пишет об этом, по его словам, «зимнем судоходстве»:

Покажется декабрь — и тысяча обозов
Из пристаней степных пойдут за
барышом,
И путь, уравненный от снега и морозов,
Начнут коверкать непутем;

Несут к столицам ненасытным
Что целый год росло, а люди в день
съедят:
Богатства русские под видом
первобытным
Гречихи, ржи, овса и мерзлых поросят...

...Еще две или три деревни, затем село Болотово с прекрасным храмом Николая Чудотворца, построенным в середине восемнадцатого века, проведив его взглядом, оборачиваешься вперед и видишь открывшийся перед тобой Судиславль: шоссе начинает спускаться к реке Корбе, за мостом слева — гигантская насыпь, на которой расположен белокаменный Преображенский собор с отдельно стоящей островерхой звонницей, красивую каменную ограду окружает аллея мощных раскидистых берез, направо до самого леса тянутся крыши в основном бревенчатых домов. За насыпью — площадь, на которую выходят каменные торговые ряды, в которых теперь универмаг — памятник провинциального классицизма прошлого века. Напротив рядов магазины, ресторан и другие старые и новые дома, затем площадь переходит в улицу, и далее шоссе расходится надвое — в Галич и Мантурово. По дороге на Галич, теперь уже почти в черте Судиславля, — село Баран, расположенное на высоком холме. Здесь стоит молчаливый храм Иоанна Богослова, пустой, сильно запущенный, но постройки мощной — он возведен в екатерининские времена. Его колокольня как бы переглядывается над городскими крышами с колокольней Преображенского собора.

Справа от площади Судиславль несколькими улицами придвинулся к лесу, затем, как бы оглянувшись — куда ж

дальше? — по жердяным мосткам через извилистую Корбу, по лавам через топкий правый берег вышел в поле и здесь растянулся опять-таки до леса, двумя-тремя улицами, полными уже чисто деревенской тишины. Среди деревьев, за последним домом, журчит родничок чистой лесной воды. Прямо от города начинается неширокая, но полная поэтической прелести долина реки Корбы, петлями входящей в леса. Здесь раздолье трав и цветов, ивы, наклонившиеся над зеленоватыми омутами, то обрывистые, то отлогие берега. Это царство стрекоз и птиц, лиственного шелеста, одухотворенной, умиротворяющей тишины.

А течет Корба из огромного Андобского болота, заходящего и в Судиславский район. Это те самые места, дикие, почти непроходимые, куда завел один из польских отрядов костромич Иван Сусанин.

В центре Судиславля за новым зданием райкома партии и бывшим домом купца Кокорева, в котором расположены редакция местной газеты и краеведческий музей, начинается сосновый парк, сначала поднимающийся вверх, по горе Лобанке, потом спускающийся вниз — к озеру, лежащему в песчаных берегах. Оно образовалось благодаря запруде, перегородившей речку Готовку, бегущую в Корбу. Парк и озеро — любимое место отдыха судиславцев: купание, катание на лодках, неспешные прогулки по крутым тропам, для молодых — танцплощадка на самой макушке горы. Хорошо прийти сюда в тихий утренний час, когда солнце начинает пригревать сухие скамейки и стройные стволы сосен, когда озерная вода переливается золотыми ячейками в желто-зеленой оправе травы.

Невелик городок, но в нем есть и промышленности: деревообрабатывающая фабрика, два лесхоза, две передвижные механизированные колонны, два комбината — коммунальный и молочный, племязверсовхоз и др. Молодежь находит здесь себе работу. Есть еще в Судиславле два профтехучилища, в одном готовят бухгалтеров, в другом — сельских механизаторов. В доме с колоннами, особняке начала XIX века, известного здесь как «дом доктора Невского», — детская музыкальная школа. Судиславская больница еще в 1914 году расположилась в одном из лучших домов города, купленном в свое время земством у купца Третьякова, — это монументальный особняк, словно перенесенный сюда из Москвы или Петербурга. Оригинально выполнено его крыльцо: на трех уступах парапета лежат три каменных льва — их лица (к ним как-то не идет слово «морда») не просто выразительны, но исполнены какой-то величавой думы.

Время от времени отходят от автовокзала автобусы — в Кострому, на железнодорожную станцию Судиславль (она отсюда в пяти километрах, в поселке Тёктово), в Островское, бывшее Семёновское-Лапотное, где Кустодиев писал свои знаменитые «Ярмарки», в Мантурово, в Галич...

Город есть город. Но Судиславль официально считается «поселком городского типа». С каких же это пор и по чьей воле? Вышло это почти случайно: в годы нэпа судиславские купцы исхода-

рода накапливают известное количество жителей, чтобы иметь право прозываться городами, а древние — как бы малы ни были — должны городами называться, и официально.

...Рассеивается пыль, затихает ветер. Слышится тайное эхо времени, уходящего в глубину. Пробираются сквозь сырые леса всадники на могучих конях, крупы которых укрыты дорогим сукном. Сыплется сухая хвоя на толстые епанчи. Позвякивают стремёна. Тускло мерцает в бликах солнца оружие. Это дружина юно-

СУДИСЛАВЛЬ. Базарная площадь.

Вид города
конца XIX в.

тайствовались таковое переименование своего города, чтобы меньше платить налогов, мол, все равно по количеству населения «не тянет»... Назвали поселком. Так и осталось. И сейчас ждут, когда прибудет жителей, чтобы стало их столько, сколько нужно для переименования поселка в город... В самой значительной из русских дореволюционных энциклопедий, изданной Брокгаузом и Ефроном, в томе XXIIа о Судиславле сказано, что он «заштатный город Костромской губернии в уезде». Хотя и заштатный, то есть без своего уезда, каковым он был сделан в 1778 году, но все же по древней традиции — город. В последнем издании Большой советской энциклопедии, в томе 25 читаем: «Поселок городского типа», — увы, не город, но зато со своим «уездом»: «Центр Судиславского района Костромской области». Не знаю как кому, а мне кажется, что пусть новопостроенные го-

го князя Судислава, последнего сына Владимира Красное Солнышко. Сюда, на далекую северную границу Киевского государства, послал Владимир своего сына, крепкого и сильного отрока, ловкого и умного не по летам, — пусть построит крепость, побогатырствует, а там — пойдёт княжить во Псков...

Через год или два Судислав покинул уже расширившийся город, оставив в нем своего наместника. Жители на вопрос «Чей город?» отвечали: «Судиславль», что и означало — город Судислава.

Судьба князя сложилась трагично. Из Киева отправился он в свою новую вотчину, данную ему отцом, — в Плесков, или, как его кратко называли местные жители — Псков. Сидел там больше трех десятилетий и умел ладить с древними обычаями псковитян и вольными их вечерами сходками. После смерти Влади-

мира Святого восстал брат на брата, погибли Борис и Глеб, настигла кара их убийцу — братоубийцу Святополка. После смерти Мстислава самовластцем на Руси сделался Ярослав, старший из братьев. Ему, человеку умному и ученому, любившему «почитание книжное» и поощрявшему размножение огромных рукописных евангелий и апостолов, часословов и псалтырей, показалось, что младший его брат Судислав кует тайный ков на него и хочет отнять у него золотой киевский престол и уж, конечно, недоволен тем, что Ярослав, завладевший после смерти Мстислава всеми русскими землями, не дает ему новых волостей. Так это было или нет — неизвестно. Но все же совершил Ярослав поступок такой, что впору хоть бы и Святополку Окаянному: «Всади Ярослав Судислава в поруб», — говорит «Повесть временных лет». То есть в глубокую земляную яму, закрытую накатом из бревен. Двадцать пять лет терпел обиду и не просил снисхождения Судислав.

Судиславля — в Молвитине (на родине Ивана Сусанина) и в относящемся сегодня к Судиславскому району старинном селе Воронье, расположенном на Галичском тракте. Это были отряды воеводы Лисовского, главная ставка которого находилась в версте от Воронья на горке, которая и сейчас зовется Панской. Отсюда поляки двинулись на Кинешму и Кострому, минуя Судиславль.

Непонятная, таинственная жизнь города вдруг приоткрывается в каких-нибудь ветхих бумагах, найденных на чердаке барской усадьбы под Судиславлем (например, в Спас-Пенье, где жили Яковлевы, родители отца Герцена). Какое-нибудь прошение царю, вроде челобитной помещика в отписке следователя — «сыскных дел целовальнике», где сообщается, что летом 1681 года в «пригородке» Судиславле некто «Петрунка Левонтьев, судиславской посацкой человек», пустил к себе на ночлег крестьянина, возвращавшегося с заработков к своему владельцу.

Дом Третьякова.

...Забывтым и сирым остался городок Судиславль, но не пропал. Странное имя свое пронес через девять столетий. И все та же Корба и теперь журчит под огромным холмом, те же лесные дали, хотя и поредевшие, открываются с холмов. Все то же здесь Залесье, Северная Русь... И будто слышен слабый голос умирающего царя Грозного, диктующего боярину Вельяминову: «...да сына же своего Федора благославляю, даю ему... город Буй, да город Судиславль, да город Нерехту...»

В Смутное время поляки были вблизи

На том же холме, где была дубовая крепость Судислава, при Елизавете, в 1758 году, был поставлен белокаменный Преображенский собор. Городок сполз вниз и расположился между холмами, у реки и вдоль тракта. Он стал купеческим. Из поколения в поколение торговали здесь грибами, сукном, полотном, маслом, кадками, дегтем, кожами, вином. Купцы же призвали из Костромы архитектора и поставили на площади торговые ряды со шпилем и себе дома на манер барских. Среди наказов, посланных в 1767 году в

екатерининскую комиссию по выработке нового законоустройства, сохранился и наказ граждан города Судиславля, отправленный в столицу с купцом Григорием Федоровичем Бардиным.

Еще в середине XVIII века сохранились в Судиславле остатки каменного

что в Судиславле преобладает женский пол: на 289 мужчин приходится 894 женщины, что здесь в ходу четыре кожевенных завода, отправляющих готовый товар в Петербург и Москву, что в городе «на выезде к г. Галичу, по продолжению главной улицы, тянется длинный ряд заочинных кузниц», в которых ведется оживленная работа, что в городе существует до 30 купеческих капиталов. Он пишет: «Главная торговля, составляющая специальность Судиславля, по которой он известен всюду в торговом мире, есть торговля грибами. Судиславль в полном смысле — центр грибной торговли». Действительно, Судиславль выручал за грибы по 40 000 рублей в год, отправляя их целыми обозами, они шли не только в столицы, но и за границу.

Быт судиславцев протекал так же, как, вероятно, и в других небольших городах России. В многочисленных костромских газетах и листках судиславские интеллигенты с удовольствием и нескрываемой иронией живописали нравы родной «Растеряевой улицы» под псевдонимами «Герцог Селецкий», «Спектатор», «Вита» и т. п.

В 1904 году город ассигновал 75 рублей на покупку «волшебного фонаря», чтобы показывать всем желающим «туманные картины». В этой связи корреспондент Вита пишет, что «судиславцы лупят вперед по пути прогресса». Он описал один из таких вечеров: «В школу понемногу стекается публика. Учитель со сторожем хлопочут, приготавливая аудиторию. В углу пристроен экран — большое белое полотно на самодельной раме. Перед ним красуется «волшебный фонарь». Ребятишки гудят как пчелы. Несколько степенных мужиков стоят у двери. Из задних рядов прорывается смех и сдержанный шепот — там расположилась молодежь... На экране появился Христофор Колумб, открывающий Америку. Появление на экране его портрета вызывает смех. Безбородое лицо громадных размеров, невиданная прическа, малиновый камзол кажутся всем чудными... Появление черных, обезьяноподобных дикарей опять всех развеселяет. Чтение кончилось. Публика разбрелась по домам».

Сегодня в Судиславле, как и везде, «волшебный фонарь» в каждом доме — телевизор. Сверх того — ежедневно кинофильмы в клубе, а иногда и гастроли какого-нибудь театра.

...Хорошо в Судиславле и зимой — снегу много, всюду прочищены тропы, снег на крышах, на спинах добродушных львов райбольницы. Сквозь темные ветки лип белеют стройные колонны дома доктора Невского. Он неизменно задерживает на себе внимание прохожего. Нельзя

Дом Невского.

«кремля» (как сказано в документах) — старинной крепости. Теперь от него и следа не осталось. Может быть, этот камень пошел на строительство домов и собора? Огромная насыпь, на которой теперь возвышается собор, без сомнения, скрывает в себе какие-то тайны — ведь тут-то и был город Судислава. Здесь строители собора, копая траншеи под фундамент, нашли великое множество человеческих костей... Но лопата археолога этого холма еще не касалась.

Примерно в 1860-е годы побывал в Судиславле сын суворовского генерала (портрет которого работы Д. Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца), уроженец Костромы И. П. Корнилов, который в своих путевых записках, напечатанных в столичном журнале, отметил,

не подумать, глядя на этот дом, и о его бывшем владельце. Это не простой был доктор — Сергей Александрович Невский. Каждый коренной судиславец помнит этого веселого, энергичного человека. Еще в дореволюционные времена, работая земским врачом в тяжелейших условиях, он буквально не покладал рук. Он лечил всех — и в городе и в окрестных селениях. Выезжал на каждый вызов. Для каждого больного, кто бы он ни был, пусть даже самый бедный крестьянин, находил он и доброе слово и сильное средство помощи. В двух мировых войнах он был военврачом. Жаль, что нет на доме памятной доски, посвященной этому замечательному человеку. Но улица Невского, в память доктора, в Судиславле есть, — это бывшая Новая.

В октябре 1969 года был организован в Судиславле филиал Костромского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, занявший несколько комнат в нижнем этаже бывшего дома купца Кокорева. Понемногу стали стекаться в него «приношения». Здесь в основном предметы городского и крестьянского быта, орудия труда XVIII и XIX веков. Есть старопечатные книги, документы, небольшое собрание живописи. Музей пока еще не сложился, фонды его невелики (8500 единиц), но он уже открыт для посетителей, и старший научный сотрудник музея — его создательница и его душа — Маргарита Васильевна Соколова всегда готова дать свои пояснения.

Хорошо подняться в солнечный зимний день на холм, где стоит Преображенский собор, и прогуляться под сенью старинных берез, широко раскинувших мощные ветви, — целая аллея их окружает поверхность холма. Отсюда виден весь городок: в одну сторону площадь с рядами и сосны Лобанки, в другую — долина Корбы с крышами Заречья и голубоватый лес, за ними, в третью — дорога за мостом, по которой летят машины, в четвертую — снова городские крыши, а там поля и снова лес...

Леса здесь когда-то были дремучие, они, по словам летописца, были подобны морю, где тяжелые хвойные волны колыхались над сырыми травами, где сидела по землянкам меря, кормившаяся бортничеством и охотой, где и теперь еще о сивой старине говорят названия деревень: Копорье, Княжево, Буртасово, Бернятино, Бортниково, Киево, Копейница, Скоморохово, Замерье... То же и в названии рек: Корба, Мера, Сендега, Куекша...

В глубине этих лесов, в сторону Андобского болота, километрах в двенадцати от Судиславля была деревенька Сабуры. Сабуры — место историческое. Именно здесь и в соседнем селе Констан-

тиново с давних времен была вотчина Сабуровых, давших ветви Вельяминовых и Годуновых, из этого рода и царь Борис. Федор Сабур, основатель рода, в 1380 году сражался на Куликовом поле в Костромском полку воеводы Ивана Родионовича Квашни. Отряд Сабура был набран вот в этих деревеньках под Судиславлем, в основном в Константинове и Сабурах. Федор Сабур был пожалован князем в бояре именно за то, что его воины не щадили живота в той страшной битве.

Люди жили здесь из поколения в поколение, знали друг друга и в лицо и по имени, уезжали отсюда неохотно, чаще всего — «в отход»: то есть на заработки, плотничать, бондарничать в столицах. И мой дед, Николай Емельянович Афанасьев, житель Сабур, по зимам работал бондарем в Москве, жил в общежитии где-то на Зацепе. А теперь вот большой деревянный крест его на холме, откуда видно все: и Галичский тракт, по которому нескончаемо идут машины, и Судиславль, укрытый зеленью лип и вязов, и березы возле Преображенского собора, и долина Корбы, уходящая в далекий лес...

Много внутреннего достоинства в этом древнем городке, ничем ему его малость и даже неизвестность.

